

Вшивая Горка – переходный случай между топонимами, в которых квалификатор и термин совпадают, и топонимами, где такого совпадения нет, так как этим комплексом чаще называется не географический объект *гора*, а часть населенного пункта – возможно, возвышенная по отношению к соседним. Квалификатор *гора* является общеупотребительным термином, хотя и слегка трансформированным. Существенную роль здесь играет переход идентификатора одного объекта в квалификатор другого объекта, но наиболее важен для закрепления связи между компонентами составного топонима экспрессивный дифференциатор *вшивая* – одновременно, может быть, метафорический (густонаселенный барачный район) и метонимический (антисанитарный). Может также актуализироваться и сема ‘мелкий, незначительный’ (ср. апеллятивное пейоративно-оценочное *вшивый городишко*, например). Этот же дифференциатор может сопутствовать и другим идентификаторам (*Вшивое, болото; Вшивый, ручей; Вшивый, ключ*), но в таких случаях легко отделяется от них, о чем свидетельствует конденсация (*Вшивка, Вшивец, ручей*). Интересно, что сочетание *Вшивая горка*, не ставшее фразеологизмом в общеупотребительной лексике, можно считать узуальным для некоторых диалектов в значении ‘старый конец деревни, ветхие дома’.

В этих двух примерах следует отметить особую «обыгрывающую» термин роль уменьшительного суффикса *-к-*, позволяющего в некоторой степени увеличить свойство «быть собственным именем» общеупотребительных географических терминов.

Для рассмотренных случаев, когда в двусоставных топонимах квалификатор и идентификатор совпадают, терминологизация топонимического комплекса (*черная речка, вшивая горка*) является важнейшим критерием возникновения между дифференциатором и квалификатором новых, более тесных семантических связей. Членение такого типа составных топонимов невозможно без ущерба для их значений.

Итак, в некоторых случаях спаянность семантики компонентов достигает такого уровня, что комплекс терминологизируется. Когда на базе «сложения» значений возникает новое, общее значение топонима, не вытекающее из значений компонентов, комплекс фразеологизируется в топонимии. Третья ступень фразеологизации наблюдается лишь в отдельных случаях – когда распространенный топонимический фразеологизм может переходить в апеллятивную лексику.

Г.М. Керт

ТОПОНИМИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Непреодолимый интерес, который вызывают к себе топонимы, объясняется не только своеобразием их функций, загадочностью происхождения громадного их большинства, отличиями их грамматических особенностей от другого класса слов, а именно апеллятивов, но и значительной их информативностью при решении этногенетических проблем.

Основное назначение, функция топонимов – это выделение, индивидуализация, идентификация именуемых объектов среди других. В настоящее время в условиях становления информационного общества трудно переоценить роль и значение топонимов как точных ориентиров на местности. Одной из первых задач топонимики как науки является создание единой топонимной службы, а также региональных сводов топонимов.

© Г.М. Керт, 2001

Топонимия может нести свою информационную функцию только в том случае, если составляющие ее топонимы имеют точное (без вариантов) написание и произношение. Особенно недопустима повторяемость топонимов на ограниченной территории. Между тем в средствах массовой информации (в печати, по радио) одно и то же название зачастую пишется и произносится по-разному. К случаям разнобоя в употреблении собственных имен в Карелии можно привести следующие примеры: остров в Онежском озере называют либо *Климецким*, либо *Клименецким*, встречается написание населенного пункта *Голодай Гора*, *Голодайгора*, *Голодай-Гора* и др. Не установлены принципы фиксации ударений в топонимах, ср. *Кй́жи* и *Кижй́*, *Олб́нец* и *Олонéц* и т.д.

Одним из главных условий эффективного функционирования в информационном пространстве упомянутых выше служб являются точность географических, топографических, административных и других карт. Идеальные топографические и иные карты должны соответствовать по крайней мере двум необходимым условиям. Во-первых, отмеченные на картах географические объекты в масштабной сетке должны соответствовать и быть адекватными реальным географическим объектам. При этом крайне важна привязка к градусной сетке (долгота, широта). Во-вторых, каждый географический объект должен иметь точное и непротиворечивое название на соответствующем языке.

Между тем на картах, издаваемых для широкого пользователя Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР, градусная сетка отсутствовала. Так, в 1966, 1969, 1973 гг. карты Мурманской области (две карты – в цвете и белая) изданы без градусной сетки. Карты Карелии, северных областей России, прибалтийских республик также выходили в свет без градусной сетки. На таких картах конфигурация рек и озер зачастую не совпадала с естественными особенностями географических объектов. Здесь же следует сказать об очень слабой насыщенности географическими названиями изданных карт. Иногда крупные географические объекты, например озера, не снабжены на картах названиями.

Главное достоинство любой карты – ее номенклатура, названия, отражающие различные географические объекты. Между тем написание (фиксация) русских названий, особенно заимствованных из финно-угорских языков, оставляет желать лучшего. Главное, чем грешат карты подобного рода, – это отсутствие системности в обозначении объектов. Так, на карте Мурманской области (изд. 1973 г.) при естественном противопоставлении двух озер по принципу «верхнее – нижнее» за основу номинации верхнего озера принято адаптированное русским языком саамское название: *Паий-аккъяур*, букв. «Верхнее бабье озеро» (ср. саам. *pajj* 'верхний', *akk* 'баба', *jaur* 'озеро'). Название же нижнего озера образуется с помощью финской лексики *Ала Аккаярви*, букв. «Нижнее бабье озеро» (ср. фин. *ala* 'нижний', *akka* 'баба', *järvi* 'озеро'). На карте Мурманской области, изданной в 1940 г. (кстати, снабженной градусной сеткой!), для обозначения этих озер при передаче названий на русском языке была использована финская модель: оз. *Верхнее Аккаярви* и *Нижнее Аккаярви*. Не унифицировано использование саамских диалектных вариантов, например, *явр* и *яур*. На карте 1973 г. на небольшом расстоянии друг от друга соседствуют озера *Вуэннияур* и *Хутоявр*.

Отсутствие системности в обозначении прослеживается и на картах Республики Карелия. Оно проявляется в обозначениях (названиях) расположенных даже на близком расстоянии географических объектов, которые отражают нюансы речи языка-заимствователя, в данном случае карельского. Рассмотрим топографическую карту Республики Карелия (масштаб 1:200000), изданную Военно-картографической фабрикой Санкт-Петербурга в 1997 г.

В силу исторических причин в карельских диалектах имеются соответствия свистящих и шипящих согласных, а также долгих гласных и дифтонгов. Так, в диалектах карельского языка существуют диалектные разновидности одного и того же слова *saari* – *suari* – *soari* – *šuari* – *šaari* ‘остров’. Русская топонимия Карелии, возникшая путем транслитерации карельских названий, а также в результате устного заимствования, сохранила эти особенности карельских диалектов. Так, на сравнительно небольшой акватории оз. Среднее Куйто встречаются названия островов *Кюлянемисуари*, *Муштасуари*, *Тойнен-Ухтсари*, *Кормушсари*, *Урнашари*; на оз. Нижнее Куйто имеются острова *Вуопасуари* и совсем рядом *Петрашари* (л. 30, 31). На оз. Тикшеозеро расположены острова *Ламмансари*, *Юхтиненсари*, *Ханкасари*, *Шуаттосари* (л. 7), в то время как на Кумском водохранилище (оз. Пяозеро) – *Малошари*, *Вуошкалошари*, *Боюривошари*, *Талвишари*, *Педааяшари* (л. 12, 13), (оз. Топозеро) – *Толоватшуари*, *Ледманишуари*, *Ваннешеуари* (л. 13, 14). Тот же самый разнобой наблюдается и при географическом термине *vaara* ‘гора’, ср. *Куси-вара* и *Пирттивара*. Примеры можно было бы продолжить. Такой разнобой в обозначении географических объектов, конечно, недопустим. Только незнанием карельского языка (если это не опечатка?!) можно объяснить написание озера *Ала-Нятяярви*, букв. «Нижнее Нятязеро», и *Или-Нятяярви* (должно быть *Юля-Нятяярви*, букв. «Верхнее Нятязеро»).

На картах наблюдается некая закономерность в разном написании названия озера и расположенного на нем населенного пункта, хотя источником наименования населенного пункта является название озера. Произошла так называемая трансонимизация, т.е. перенос названия озера на название населенного пункта. Ср. написания: оз. *Кончозеро* – д. *Кончезеро*, оз. *Гальозеро* – д. *Гальезеро*, оз. *Верхнее Лампи* (при Сев. Ложкина *Ламба* (л. 14) – д. *Верх. Ламба* (л. 96), остров *Суйсари* – д. *Суйсарь* (л. 97), оз. *Пульчелла* – н.п. *Пульчейла* (л. 109) и т.д.

Встречаются грубые опечатки: *Яншиполе* вместо *Янишполе*, *Солоха* вместо *Сопоха*, рядом губа *Сопохская*. И как апофеоз невнимательного отношения к картам следует считать появление на карте Карелии вторых *Минеральных Вод* в России вместо необходимого написания *Марциальные Воды* – названия первого российского курорта, основанного Петром I.

Ошибки, погрешности, неточности, отсутствие системности в работе с картами объясняются прежде всего тем, что к этой работе не привлекались профессионально подготовленные, знающие местные языки специалисты-топонимисты. А.К. Матвеев писал: «Картографическая топонимия уже вследствие специфики карты может лишь весьма упрощенно отражать народную топонимию. Она воспроизводит схему, во многом лишенную историко-культурного содержания. А некомпетентные собиратели и редакторы могут превратить эту схему и в кривое зеркало: топонимические системы совмещаются, а сами названия искажаются и смещаются»¹.

На наш взгляд, нужна тщательная, кропотливая, длительная совместная работа картографов и топонимистов по устранению опечаток, несоответствий в имеющихся картах. Для каждого региона, особенно в зонах двуязычия и многоязычия (с соответствующими субстратом и имеющимися заимствованиями), должны быть составлены практические руководства по наименованию и переименованию географических объектов и инструкции по русской передаче инонациональных географических названий. Безусловно, унификация названий на картах не означает, что в живой речи будут сразу же употребляться

¹ Матвеев А.К. Народная топонимия и ее отражение на карте // Всесоюзн. науч.-практ. конф. «Исторические названия – памятники культуры», 17–20 апр. 1989 г. : Тез. докл. и сообщ. М., 1989. С. 51.

вновь введенные названия. Как живая народная речь отличается от литературной, так и произношение топонимов зачастую может не соответствовать литературным нормам. К слову будет сказано, что в Финляндии вся официальная топонимия унифицирована, т.е. «олитературена».

Существенные помехи и неудобства в информационном пространстве создают топонимы-омонимы, если они обозначают географические объекты, расположенные недалеко друг от друга. В Карелии, к сожалению, такие случаи нередки: в Челмужском с/с Медвежьегогорского района существуют пос. *Половина-1* и *Половина-2*; в Кяппясельском с/с Кондопожского района находятся с. *Викшезеро* и станция *Викшезеро* в этом же районе на расстоянии 6 км соседствуют *Лижма* – центр сельсовета и пос. *Лижма*. Примеры можно было бы продолжить.

В условиях двуязычия и многоязычия чрезвычайно важно в информационном отношении составить адекватные точные списки имен географических объектов на употребляемых в регионе языках, а там, где нет канонических в орфографическом смысле названий на каком-либо языке, подготовить правила употребления (адаптации) в устной и письменной речи названий на соответствующих языках. В Карелии, например, некоторые микрообъекты в сельской местности имеют только карельские или вепские названия. Большинство же названий в национальных республиках на русском языке.

Таким образом, первоочередной задачей топонимической науки совместно с государственными учреждениями является создание нормализованного, канонического, непротиворечивого свода употребляемых топонимов, которым могли бы пользоваться государственные и муниципальные службы, а также учреждения связи, транспорта, средства массовой информации и пр.

Наряду с созданием свода топонимов необходимо упорядочить правила употребления топонимов в речи-тексте. Это прежде всего:

1) выбор предлогов на вопросы: где?, куда?, откуда? в русском языке (ср. «куда?» – в *Мишелово*, но *на Каменку*), а также употребление внешнеместных или внутреннеместных падежей в прибалтийско-финских языках (ср. в финском: *Tamperee-lla*, но *Tammisaare-ssa*);

2) образование названий жителей от наименований населенных пунктов;

3) выбор словообразовательных моделей (ср. в значении 'относящийся к кому-либо, чему-либо': г. *Орел* – *орловский*, *орел* – *орлиный*) и пр.

Топонимы, являясь продуктом народного сознания, отражают все стороны духовной и материальной жизни человека. В топонимах, как и в других проявлениях духовной культуры человека, а именно в фольклоре, обрядах, заговорах, народных верованиях, отразилось своеобразие народа, его менталитет¹. В саамской топонимии запечатлелись языческие верования и тотемные представления саамов. Менталитет саамов выявляется в своеобразии топонимного видения. Для саамской топонимии, например, характерна выраженная языковыми средствами тонкая градация особенностей ландшафта. Так, для обозначения водных объектов в саамской географической лексике имеется более двадцати терминов. В зависимости от конфигурации, наличия растительности, высоты и других признаков существует свыше тридцати названий (апеллятивов) гор. Мотивация при именовании географических объектов является важным признаком своеобразия народного самосознания, его менталитета. Проблема мотивации – это проблема проникно-

¹ Керт Г.М. Топонимное видение народа (на материале саамской топонимии) // Этническое и языковое самосознание: Матер. конф., Москва, 13–15 декабря 1995 г. М., 1995. С. 70–71.

вения в психологию номинатора, давшего то или иное наименование, проблема ценностной ориентации народа. В содержательной стороне топонимии ярко и непосредственно выражены идеалы народа. Топонимия – это часть окружающей культурной среды народа, его мироощущение, миропонимание и мироконструирование.

Поэтому защита этого культурного наследия является первейшей обязанностью государственных и иных органов. В Москве в 1996 г. разработан текст закона «О наименовании улиц и станций метрополитена города Москвы» (авторы – М.В. Горбаневский, В.П. Нерознак, М.Ф. Симонова). В законе последовательно реализуется следующее положение: «Наименование улиц и станций метрополитена выполняют важную социальную функцию как слова-ориентеры. Одновременно данные внутригородские названия, веками складывающиеся в историко-культурную систему, представляют собой памятники истории, языка, культуры, свидетельства духовных традиций и образа жизни москвичей. Исторические названия являются таким же народным достоянием, как и памятники архитектуры, искусства, литературы, фольклора»¹.

За годы советской власти сельской и городской топонимии был нанесен колоссальный и в ряде случаев непоправимый урон. Массовые противозаконные переименования сельских поселений и городских объектов привели к потере топонимного своеобразия регионов страны и становлению политизированной топонимии². В федеральном и региональных законодательствах необходимо четко определить правовые нормы и процедуры наименования и переименования географических объектов. Компетентную помощь государственным органам в выборе названий должны оказывать специальные комиссии, состоящие из филологов, историков, писателей, краеведов. Важным условием в выборе наименований должны быть гласность, компетентность, участие широких масс населения.

В природе нет естественных «чистых» в языковом отношении топонимических зон. В процессе исторического развития последующая топонимическая волна накрывает предыдущую, в результате чего образуются исторические пласты топонимии. Новая волна названий, как правило, входит в готовую систему топонимии. И здесь немаловажное значение имеет то обстоятельство, в какой степени язык последующей волны отличается от языка, топонимия которого усваивается.

Именно то обстоятельство, что топоним при усвоении его заимствующим языком, как правило, не исчезает, а, адаптируясь, приспособляясь к новой языковой системе, функционирует в новой языковой среде, способствует «долгожительству» топонима. Исчезает этнос, уходит культура, меняется цивилизация, а топоним (точнее, его стирающийся фонетический облик), видоизменяясь, остается.

В качестве примера «долгожительства» топонимов можно привести следующие факты. Заселение Кольского полуострова человеком относится к эпохе мезолита – VII–VI тыс. до н.э., по-видимому, после отступления последнего оледенения и ликвидации его остаточных форм на низменных участках³. Правда, В.Я. Шумкин ранний этап заселения ареала, датируя эпохой мезолита (10–7 тыс. лет назад), связывает с населени-

¹ Горбаневский М.В. Субстратные гидронимы Волго-Окского междуречья как мотивирующие основы московских ойконимов и урбанонимов // Традиционная культура финно-угров: Международн. симпозиум. Петрозаводск, 9–12 февраля 1997 г.: Тез. докл. Петрозаводск, 1997. С. 51.

² Керт Г. М. Сохранить память земли // Вопросы топонимии Подвинья и Поморья. Архангельск, 1991. С. 3–11.

³ См.: Гурина Н.Н. Новые исследования древней истории Кольского полуострова // Природа и хозяйство Севера. Петрозаводск, 1977. Вып. 6. С. 4.

ем культуры комса¹. Учитывая замкнутый характер Кольского полуострова, а также то обстоятельство, что заселение его, по мнению большинства учёных, происходило только с северо-западной и южной территорий, значительных смещений населения на его территории не могло происходить, т.е. население в известной степени было однородным. Самым древним населением Кольского полуострова, которое можно идентифицировать по языку и материальной культуре, были саамы. Неолитический период (6–5 тыс. лет назад), по мнению В.Я. Шумкина, представлен лапландской археологической культурой, которая характеризуется своеобразными отличительными чертами². Исследуя саамскую топонимию Кольского полуострова, финский ученый Тойво Итконен из массива современной саамской топонимии инарских саамов выделил около 300 топонимных основ субстратного происхождения, т.е. не этимологизируемых апеллятивной лексикой саамского языка³. Конечно, субстратные основы могли быть различного этнического происхождения, но исключая и древних собственно саамских. Чисто саамские топонимные основы в условиях географической изоляции, как видим, сохранились еще с неолита.

Для сравнения следует сказать, что древнейшими археологическими памятниками центральной России являются верхнепалеолитические стоянки на верхнем Дону, под Владимиром, на Брянщине, датируемые 30–14 тыс. лет назад⁴. В.В. Седов высказывает мнение, что «древности каменного века оставлены дофинно-угорским и доиндоевропейским населением»⁵. Вместе с тем, по его утверждению, данные археологии свидетельствуют, что древнейшее население центральной России не было вытеснено или уничтожено волнами пришельцев. Учитывая плавность и постепенность смены археологических культур, а вместе с тем формирования и смены этносов, вполне допустима мысль о сохранении самых древних топонимов, естественно – в преобразованном и измененном облике. К сожалению, лингвистическая наука при всех ее громадных успехах в разрешении отдельных этногенетических проблем по данным топонимии еще бессильна в целом при решении вопросов этногенеза по данным субстратной неэтимологизируемой топонимии. На наш взгляд, это объясняется, во-первых, несовершенством методики исследования (ученые оперируют в основном только суффиксами субстратных топонимов) и, во-вторых, фрагментарностью используемых субстратных неэтимологизируемых основ.

Привлекательной особенностью топонимии при решении этногенетических проблем является то, что топонимия идентифицирует языковую принадлежность этноса. Язык – это первоэлемент культуры этноса. Археологические памятники, характеризующие в основном материальную культуру, при всей своей массовости, «вещественности» не могут адекватно идентифицировать этнос. Не исключено, что элементы одной археологической культуры могут наличествовать у различных этносов. Топонимы, как часть лексики языка, для выполнения своей основной функции вбирают в себя наиболее существенные пласты лексики, отражающей материальные и духовные понятия народа.

Именно благодаря топонимии можно говорить о финно-угорском субстрате Европейского Севера России; фантастически широкий ареал распространения саамской топонимии до сих пор является загадкой для исследователей.

¹ См.: Шумкин В. Я. Истоки формирования народа саами // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990. С. 121–127.

² См.: Там же. С. 122.

³ Iitkonen T. I. Suomen lappalaiset vuoteen 1945. 1–11. Porvoo-Helsinki. S. 521–524.

⁴ См.: Седов В. В. Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Топонимия центральной части России. М., 1974. С. 20.

⁵ Там же. С. 21.

Конечно, данные топонимии являются дополнительным и, может быть, одним из главных индикаторов в комплексной проблеме идентификации этноса и выявления его происхождения.

И наконец, важнейшей задачей топонимики как науки является выявление своеобразия топонимов как класса слов по отношению к апеллятивам, породившим на первоначальном этапе топоним.

С.М. Толстая

АНТРОПОНИМЫ В НАРОДНОЙ КАЛЕНДАРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Славянский народный календарь, являющийся по своей структуре и форме (в значительно меньшей степени по содержанию) результатом адаптации канонического церковного календаря¹, унаследовал от него свой главный принцип номинации календарных единиц (праздников, почитаемых дней, периодов) – по именам святых, память которых приходится на соответствующие даты (относительно меньшую долю составляют в народном календаре хрононимы, мотивированные «событиями» христианской истории, такие, как *Рождество*, *Крещение*, *Сретение*, *Преображение*, *Успение* и т.п.). Однако в самом каноническом церковном календаре хрононимы в собственном смысле слова, т.е. именованья дней и отрезков года, отсутствуют, а имена святых включаются в некую «календарную формулу», соответствующую тому или иному дню: например, «8/21 августа. Свт. Емилиана исп., еп. Кизического (813–820). Прп. Григория, иконописца Печерского, в Ближних пещерах (XII). Перенесение мощей прпп. Зосимы и Савватия Соловецких (1566). Свт. Мирона чудотворца, еп. Критского (ок. 350). Мчч. Елевферия и Леонида. Прп. Григория Синаита (XIV)»². При этом форма род. падежа имен святых (*Емилиана*, *Григория*, *Мирона*, *Елевферия*, *Леонида*) определяется управлением опускаемого слова «память», т.е. «Свт. Емилиана исп.» должно читаться как «память святого Емилиана-исповедника».

Разумеется, язык народного календаря не испытал на себе непосредственного влияния подобных «формул». Посредником здесь могла послужить реальная церковная практика, точнее, сложившийся в ней обиходный календарный язык, в котором так или иначе должны были присутствовать хрононимы, по крайней мере для наиболее значительных дат. Но для того, чтобы конкретный день получил собственное наименование, из всех соотносящихся с ним имен и событий должно было быть выбрано одно наиболее значительное имя или событие, которым и стал бы мотивироваться хрононим. Это значит, что изменение функции антропонима (агионима), т.е. превращение его из собственно антропонима, обозначающего конкретное почитаемое лицо в составе канонической календарной формулы, в квази-антропоним (если название праздника совпадало с именем святого, например, *Илья*, *Алексей*, *Петр* и *Павел* и т.п.) или составную часть хрононима (на-

¹ Толстая С.М. Календарь народный // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 442–446.

² Православный церковный календарь. М.: Изд-во Московской патриархии, 1986.